

Братчикова Надежда Станиславовна, д.ф.н., доцент
Москва, МГУ имени М.В.Ломоносова
филологический факультет
заведующая кафедрой финно-угорской филологии
n.bratchikova@mail.ru

Финский литературный язык в период укрепления Реформации (XVI – XVII вв.)

Воплощение в жизнь идей лютеранства потребовало больших изменений в церковной жизни Финляндии. В ходе начавшейся Реформации (XIV-XV века) финляндская церковь переходит из католической в лютеранскую, утверждается епархиальный центр страны в городе Турку. Богослужения стали проходить в том числе на национальном языке. Перед духовенством страны встала проблема создания текстов молитв и псалмов на финском языке. Назрела острая потребность перевода текста Священного писания на национальный язык. Микаэль Агрикола совершил переводческий подвиг и предоставил духовенству и всем прихожанам финляндской церкви перевод Нового завета на национальный язык. По сути, Агрикола заложил основы финского литературного языка.

Финская книжность получила свое дальнейшее развитие в XVI – XVII веках, главным образом благодаря неустанной работе представителей духовенства.

Последователем трудов великого финского реформатора Агриколы и его современников стал **Паавали Юстен** (Raavali Juusten, 1516-1576). В биографии будущего епископа наше внимание привлекает его финское знатное происхождение и место рождения – город Выборг, один из заметных и важных центров духовной жизни Финляндии. Статус горожанина (а не крестьянина, коих в стране было большинство) определил его амбициозность и честолюбие. Паавали получил образование в Туркуской кафедральной школе. Это было время серьезных гуманистических преобразований. В церковной жизни вводилась практика богослужений на национальном языке, сначала на шведском, позднее на финском. Подобно многим слушателям школы Юстен отучился в Виттенберге, «лютеранских Афинах», как позднее епископ назовет этот научный центр в «Хрониках епископов финляндских». «Хроники» вполне обоснованно можно отнести к первому опыту ранней историографии¹. Впоследствии (в 1784-1800 гг.) Генрих Габриель Портан опубликовал их. Этот солидный труд был написан на латыни, подобно многим произведениям церковной литературы тех лет.

В развитии финского языка заметную роль сыграло издание первого евангелического Катехизиса. Он включал перевод Малого катехизиса Лютера и небольшой молитвенник. В писательской деятельности Юстена проявились две любопытные закономерности, которые впоследствии окажут неоднозначное влияние на развитие национального языка. Одна из них заключается в том, что сочинения, напрямую адресованные прихожанам, оформлялись на финском языке; тексты, предназначенные для духовенства, на латыни. С одной стороны, финский язык не забывался, так как местное духовенство, следуя установкам лютеранского вероисповедования о том, что язык молитвы должен быть понятным и близким прихожанам, стали чаще говорить на нем во время богослужений. С другой стороны, слишком узкая сфера применения языка вызовет в будущем ряд проблем в формировании национального лексического корпуса, снизит творческий потенциал языка, увеличит количество калек и заимствований из шведского и латыни. Ограниченная область использования национального языка негативно скажется на дальнейшем развитии синтаксиса.

Вторая закономерность проявилась в следующем: в текстах епископа, родившегося и выросшего на востоке страны в Выборге, доминировали восточнофинские черты языка, тогда как ранее во времена Агриколы и его современников, выходцев из западных районов страны, тексты писались только на западнофинских диалектах. Преимущественное использование какой-либо одной – западно- или восточнофинской – диалектной формы значительно сужало диалектную базу создаваемого финского литературного языка, снижало его лексический потенциал и не давало в полной мере развиваться синтаксическим особенностям языка. Через несколько столетий использование диалектных форм в рамках письменной речи вызовет оживленную дискуссию о

¹ Паавали Юстена почтенно называют «отцом финской историографии и первым финским историком» (Heininen 1988:13).

предпочтении той или иной группы диалектов, известную в истории финского языка как «борьба диалектов»².

В «Хрониках» есть еще один любопытный с точки зрения дальнейшего развития языка факт. Юстен рассказывает о языковой практике, сложившейся в кафедральной школе и заключавшейся в следующем: ученики ежедневно занимались переводами псалмов с текста Лютера на финский, затем епископ самолично их проверял. Для нашего исследования важным является указание на постоянные упражнения в финском слушателей кафедры, что способствовало его совершенствованию. В рутинных практических занятиях оттачивались формы языка, которые со временем становились гибче и разнообразнее.

Несмотря на большую переводческую работу³, все же Паавали Юстену в истории финского языка отводится вторая роль: пальма первенства и лавры «отца финского литературного языка» принадлежат Микаэлю Агриколе. Юстен не был настолько смел и творчески одарен, как его коллега. Он чаще опирался на уже имевшиеся языковые наработки, использовал узкую диалектную базу, больше вводил заимствованных слов, чем его известный современник. Тем не менее, оба соратника являлись яркими личностями в истории финской Реформации и внесли огромный вклад в финскую языковую культуру.

Корпус финских текстов существенно пополнился благодаря деятельности епископа **Яакко Финна** (Jaakko Suomalainen, 1540-1588). В связи с тем, что в культуре церковных текстов наметилась устойчивая тенденция использования национального языка, укажем на место рождения Яакко – юго-запад страны, то есть вновь после смерти Паавали Юстена приоритет был отдан западнофинским диалектам. Яакко Петри Финно учился в Германии (в Ростоке и Виттенберге). Это был талантливый человек с огромным творческим потенциалом. Он направил все силы на составление книг духовного содержания на национальном языке. Плодами его кропотливой работы стали «Книга молитв», «Малая книга финских духовных песнопений», «Катехизис» и редакция сборника «Благочестивые песнопения» (Piae cantiones).

С позиций эволюции языка очень важным нам представляется то, что песнопения были записаны рифмованными стихами, в которых использовался силлабо-тонический размер. Рифмованные строчки псалмов и поучения катехизиса оказались удобными с практической стороны: их легко было исполнять, напевая. Они быстро запоминались, что способствовало привитию лютеранской культуры широкой части населения. Постепенно духовное песнопение стало занимать центральное место в лютеранском богослужении. Оно звучало музыкально и выразительно, помогало сближать прихожан.

Однако силлабо-тоническое стихосложение, заимствованное из немецкой и шведской поэзии, не соответствовало грамматическому строю финского языка, вследствие чего песнопения не относятся к вершинам поэтического мастерства. Но даже неудачный опыт заимствования полезен для языка. Он показал, что любое насильственное использование чуждых размеров и рифм не прививается, уступая место родному, естественному. Так, автор песнопений Я.Финно, интуитивно ощущая дисгармонию, в ряде текстов использовал приемы, отвечающие структуре национального языка: четырехстопный хорей, начальную аллитерацию и параллелизм.

Например, в песнопении «Kun Kristus käski sanansa» «Когда Христос обратился к людям» использован четырехстопный хорей и начальная аллитерация (**к**) в первой строке.

Kun Kris-tus käs-ki sa-nan-sa
saar-na-ta maa-il-mal-le,
hän lu-pa-si myös ar-mon-sa
sen vas-taan-ot-ta-jal-le.
Se sa-na hen-gen vir-voit-taa
ja syn-neis-täm-me va-pah-taa,

² Борьба диалектов началась в двадцатые годы XIX века и была вызвана расширением диалектной базы письменного языка. Ранее большое количество печатных трудов публиковались в основном на западном и юго-западном диалектах, однако с начала XIX века стал активнее использоваться восточный и северо-восточный диалекты. Борьба затянулась почти на тридцать лет, завершилась компромиссом: литературный язык впитал в себя черты всех групп диалектов.

³ Например, Юстен написал на финском языке Служебник, озаглавленный как «Святая Месса» (Se Pyhä Messu, 1575 г.). Он включал в себя тексты евангелий, апостольских посланий, которые читались в праздничные дни литургического года, и так называемые коллекты, вступительные молитвы. Служебник использовался во всех финноязычных приходах почти восемьдесят лет.

tuo meil-le loh-du-tuk-sen⁴.

Обращение к фольклорным песенным традициям шло вопреки субъективной воли Яакко Финно, который считал необходимым отказаться от традиций народного устного творчества⁵ во имя прославления христианских заповедей⁶.

В языке Яакко Финна, особенно в орфографии, прочно закрепились традиции Ариколы, например, звук [u] оформлялся как *v*: *TVle* (в современном финском – *tule*), *vskollisille* (*uskollisille*), *vsein* (*usein*); звук [k] в позиции перед дифтонгом *ui* как *q*: *Quin* (*kuin*); перед заднеязычными гласными [k] обозначался как *c*: *colminaisudhen* (*kolminaisuuden*), *suulioita* (*kuulijoita*), *caickest* (*kaikesta*), *cansa* (*kansa*); звук [v] через *w*: *wijmein* (*viimein*), *wirsi* (*virsi*), *wieran* (*vieraan*); сочетание [ks] продолжало оформляться как *x*: *lupauxhet* (в современном языке сочетание оформляется как *ks*: *lupaukset*), *gucouxin* (*rukouksin*). Долгота гласных звуков по-прежнему продолжала оставаться без обозначений: *amu* (*aamu*), *parhat* (*parhaat*), *sappalet* (*kappaleet*), *mailma* (*maailma*), *perhen* (*perheen*). Звук [d] сохранил обозначение через сочетание *dh*: *muidhen* (*muiden*), *sydhämen* (*sydämen*), *heidhän* (*heidän*).

Новшеством по сравнению с языком Ариколы явилось оформление в письменной речи звука [æ] через *ä*, а не через *e*, как было ранее: *meidän* (у Ариколы: *meiden*), *päivä* (у Ариколы: *peive*). Дифтонги получали современное написание: [uo] – *ruolen*, *ruosa*; [yö] – *työn*. Однако не везде этот принцип последовательно соблюдался. В тексте встречаются случаи оформления дифтонгов через долгие гласные: *loondo* (*luonto*), *mös* (*myös*). Синтаксис стал осложнен придаточными предложениями, например, подчинительными союзами *että* «чтобы», *joka* «который», сочинительным *ja* «и».

Еще одним деятелем эпохи Реформации является уроженец западной части Финляндии протестантский поэт **Хемминки из Маску** (*Maskun Hemminki*, 1550-1619). Он издал сборник духовных песен «Малый сборник духовных песен на финском языке» (*Yxi Wähä Suomenkielinen Wirsikirja*, 1605). В него вошли тексты из книги духовных песнопений Яакко Финно, переводы из латиноязычного сборника, а также десятки песен собственного сочинения. Творчество Хемминки из Маску оказало огромное влияние на последующее развитие финноязычной поэзии в плане тематического выбора. Внимание поэта устремляется к земным радостям, религиозное чувство уходит на второй план, оно словно растворяется в пиитическом созерцании природы. Хотя техника стихосложения еще несовершенна и сам автор сетует на негибкость финского языка в поэтическом плане, тем не менее, произведения Хемминки легки и задорны.

<i>Pilved rason pois yrkivät/</i>	Облака уносятся прочь/
<i>Sejästys taevan täyttöp.</i>	Небо становится ясным.
<i>Ilmad angarad asettuvat/</i>	Тучи мрачные уплывают/
<i>Auringo lämbymäns näyttöp.</i>	Солнце пригревает.
<i>Touco toevottap kyhkyinen/</i>	Работнику весть о посеве птаха несет/
<i>Lindu pieni pääskyinen/</i>	птичка маленькая ласточка/
<i>Suven sanoman saattap.</i>	О лете песню поет.
<i>Käed cuckuvat cuusistos/</i>	Кукушки кукуют на елях/
<i>Linnud laolavat haavistos/</i>	Птицы щебечут на деревьях/
<i>Visertäin Suven virttä.</i>	Напевают летнюю песню ⁷ .

В отрывке из стихотворения «О весне и лете» присутствуют элементы устного народного творчества, перефразы, синонимы (*pilved* “облака” – *ilmad* “тучи”), в том числе и ситуативные (*kyhkyinen* “птаха” – *pääskynen* “ласточка”; *cuusisto* “ельник” – *haavisto* “деревья” (букв.осинник); *laulaa* “петь” – *visertää* “щебетать”). Синонимичность слов придает произведению напевность, музыкальность и плавность. В приведенном куплете встречается еще один характерный для

⁴ Отрывок взят из сборника песнопений (*Virsiikirja*, 1583) и представлен в современной орфографической версии, сделанной А.Брюнольфом Русом (А. Brynolf Roos) в 1867 году и отредактированной Н. Раухалой (N. Rauhala) в 1984 году.

⁵ Яакко Финно испытывал предубеждение к песенной языческой традиции, видя в ней дьявольское наваждение, воплощение чего-то темного, магического, призванного разрушить Божественную гармонию. Однако последующие составители духовных стихов стали смелее обращаться к богатому опыту фольклорного пения, стараясь избегать заимствованных элементов и форм стихосложения.

⁶ Долгое время на юго-западных территориях Финляндии сохранялась традиция песнопений на латыни, что стало причиной забвения народного песенного богатства. Фольклорные традиции сохранились на восточно-финских землях, особенно у православных карел.

⁷ Подстрочный перевод сделан автором данной статьи (Б.Н.)

финского фольклора элемент – начальная аллитерация: **p** – **p**ilved **p**acon **p**ois **p**yrkivät; **s** – **s**uven **s**anoman saattap; **k** – **k**äed **c**uckuvat **c**uusistos. Повторение одинаковых согласных (*p, s, k*) в строке придает тексту особую звуковую и интонационную выразительность. В приведенном отрывке присутствует синтаксический параллелизм.

Выдающимся и последним епископом периода утверждения Реформации в Финляндии является епископ **Эрик Соролайнен** (Ericus Eriki – Eerikki Sorolainen, 1545-1625), который родился недалеко от Турку. Соролайнен свободно владел тремя языками – финским, шведским и немецким, что в целом было характерно для представителей духовенства. Он, подобно другим его соотечественникам, учился в Германии, придерживался канонов лютеранства. Духовное наследие Соролайнена заключалось в солидных сочинениях, среди которых «Благодарственное слово и молитва ко Господу в день Нового года» (Yх Kijtossana ia Rucous wden wuoden päivänä Jumalan tyge sanotappa), «Катехизис» и «Малый Катехизис» и «Служебник» (Käsikiria Jumalan Rajveluxesta ja Christillisesta Kirkon menoista). Труды епископа представляют собой достаточно точные переводы соответствующих шведских текстов и активно использовались в финноязычных приходах.

Самым значительным произведением епископа является «Постилла, или толкования на евангелия, проповедуемые в Божией Общине на протяжении всего года: сборник проповедей на евангельские тексты, читаемые в храмах в воскресные и праздничные дни» (Postilla, eli Vlgostoimitus nijnen Ewangelimitten paalle cuin umbari aiastaian saarnatan Jumalan Seuracunnasa). Труд написан на старофинском языке. Это произведение стало своеобразной энциклопедией жизни тогдашней Финляндии. В нем рассказывается об условиях жизни народа, работе церковно-приходских школ, государственном устройстве, взаимоотношениях сословий в обществе, вводятся сведения естественнонаучного характера. Иными словами, этот, на первый взгляд, церковный текст приобрел черты справочного издания общекультурного значения. Диапазон охвата вопросов нарушил, казалось бы, привычную форму подачи материала, расширив содержание церковного текста до светских тем, но нисколько не повлиял на язык исследования, который сохранил черты, свойственные церковным текстам. Он был довольно сухим, лишенным какой-либо образности, красочности и простоты. Автор точно следовал поставленной цели – дать максимально точное и беспристрастное описание действительности.

Что касается финского литературного языка, то в рассматриваемый период он подвергся незначительной переработке: во-первых, пополнился лексикой, характеризующийся, главным образом, чертами, свойственными юго-западному диалекту, например, наличием редуцированных дифтонгов (räeväd ”päivä”, соега ”koira”), стяжения в середине слова двух смежных гласных в одну или дифтонг (cartnon ‘kartanon’, haldja ‘haltija’, toisnans ‘toisinaan’).

Помимо религиозных текстов, в XVI веке стали издаваться переводы юридических текстов на национальном языке. Документ представляли собой письма правителей Швеции и некоторые указы. Самый ранний сохранившийся юридический свод законов – это «Закон о государстве» короля Швеции Кристофера (Kristoffer kuninkaan maanlaki). Перевод на финский язык был сделан около 1580 года и известен под именем ”Закона о государстве в переводе господина Мартти” (Herra Martin maanlainsuomennos). Существует несколько версий данного документа. Лингвистический анализ текста документа свидетельствует о невысоком уровне перевода, поскольку переводчик (вероятно, им был священник из Раумы **Мартти Олави** (*Martinus Olavi*, часто упоминается как *Martti Olavinpoika*)⁸ не владел в достаточной степени шведским юридическим языком, равно как основами юриспруденции. Спустя некоторое время **Люнго Туомаанпойка** (Ljungo Tuomaanpoika, 1550-1610) вновь берется за перевод закона. В 1601 году работа была завершена. Сначала на финском языке появился текст шведского средневекового закона о государстве, а затем о статусе города. Люнго Туомаанпойка писал на диалекте провинции Похьянма, поскольку, по мнению переводчика, именно язык города Турку и его окрестностей является самым понятным и по своим возможностям значительно превосходит язык провинций Ууденма, Выборга, Саво и Хяме. Но усилия переводчика пропали даром, так как в то время ни перевод Закона о государстве, ни о статусе города так и не были опубликованы⁹.

⁸ Мартти Олави, финн по рождению, был первым священником в финноязычном приходе Стокгольма. Финская община в Стокгольме была организована в связи с Реформацией в 1533 году. Мартти Олави служил в ней с 1545 года. В 1558-1577 гг. был назначен епископом в город Раума (Финляндия), затем стал при Юхане III придворным священником (умер в 1585 году). Некоторые историки считают, что перевод Закона был сделан Яакко Финном, Мартти Олави только переписал его от руки.

⁹ Перевод Закона о государстве был опубликован в 1905 году в серии «Памятники финского языка» (”Suomen kielen muistomerkkejä”).

Камнем преткновения для переводчика стало отсутствие юридической лексики на финском языке. Предстояла большая лексикографическая работа: надо было создать финские эквиваленты многим понятиям из разных областей юриспруденции, которых касался закон короля Кристоффера. Некоторые слова и выражения современному читателю будут непонятны, например: *kilwetes* 'оруженосец', *eriperilliset* 'сводные сестры' и *unnäperilliset* 'родные сестры', *käetä* 'угрожать'; *ota*, *odat* 'оружие'; *rijoittaa* 'делить собственность осужденного'; *kahden wahwan taloin miehen* 'два человека, постоянно проживающих в данном уезде'; *suun luctimus* – 'клятва, отказ от обвинения или клятвенное отречение от обвинения'. Некоторые слова с позиций нынешнего времени будут понятны, но форма их вызывает улыбку, например: *isän perä*¹⁰ (в современном языке: *isänperintö*) 'отцовское наследие', *mistata*¹¹ *kädhens*, *kaulans*, *hengens ia kaluns*, *eli Rahans* (*menettää kätensä*, *kaulansa*, *henkensä*, *talonsa ja tavaransa*) 'лишиться руки, шеи, жизни, дома, пожитков или денег', *puukartano*¹² (*puutarha*) 'сад'.

Многие финские термины были образованы методом калькирования шведских эквивалентов, например, *lakikunda mies* и *lakimies* (от шведского слова *lagman* 'юриспт'), *mistata* (в современном финском языке: *menettää*) 'терять, лишаться'; *rådada* (ныне: *hallita*) 'управлять'; *trugata* (ныне: *rainostaa*, *rakottaa*) 'обязывать, принуждать'; *insigli* (ныне: *sinetti*) 'печать'; *sundi* (ныне: *salmi*) 'пролив'; *affradi* (ныне: *maksu*) 'оплата', *tiond(h)* (ныне: *kymmenys*) 'десятина' и *klosteri* (ныне: *luostari*) 'монастырь'.

Долгое время юридическая лексика не получала развития в Финляндии. Это было связано с тем, что в стране языком правления и администрирования был шведский: вся деловая документация велась исключительно на нем. Такая ситуация сохранялась до конца XIX века, поэтому финский можно считать молодым деловым языком, интенсивное развитие которого началось только в конце XIX – начале XX веков. Немецкий, наравне со шведским, имел в финском деловом мире доминирующее положение и оказывал большое влияние на финский язык, в том числе на лексику.

С точки зрения орфографии в тексте перевода обращает на себя внимание оформление на письме трех аспектов: (1.) написание современного сочетания согласных *ts-*, (2.) обозначение на письме звука [k] в начале слова, звука [d] в позиции между гласными, а также (3.) написание гласных *o* и *u*. Кроме того, заслуживает внимания оформление ряда падежных окончаний, в частности абессива и наречия *ulos*.

(1). В большинстве случаев сочетание *ts* оформлялось в текстах перевода как *tz*: *itze* (*itse*), *ruotzi* (*ruotsi*), *katzelmus* (*katselmus*).

(2). В орфографии закрепилась тенденция обозначать звук [k] буквой *k* перед переднеязычными гласными, например, *käsi*, *köyhä* и буквой *s* перед заднеязычными: *sunnia*, *kircas*, *soso*. В заимствованных словах таких, как *Crunu/Cronu*, *Christitty* и *Capitel* правописание слова начиналось с буквы *s*. В тексте перевода Закона мы столкнулись со следующей особенностью: правописание слов с буквы *S* сохранялось в заголовках и в начальных строках глав: *Catzelmus* (ныне: *Katselmus*), *Suka* (ныне: *Kuka*), *Saupra* (ныне: *Kaupra*), *Saicki* (ныне: *Kaikki*). Перед заднеязычным закрепилось написание *k* в слове *kuningas* и буквы *q* в словах типа *quin*, *quina*, *quitengin*. Удвоенный согласный *kk* на письме обозначался сочетанием *sk*: *saicki*, *paicka*, *rackan* = *rakkaan*. Сочетание [ks] обозначалось буквой *x* (вплоть до начала XIX века): *uxi*, *saxi*, *opetuxexi*, *paqanpuxexi*. Сочетание [ŋk] на письме обозначалось как *ng*: *cuningan* = *kuninkaan*.

Согласный *d* между гласными звуками прописывался как *dh*: *meidhen*, *meidhän*, *heidhen*, *heidhän*, *häidhen*, генитивное окончание варьировалось как *e* и *ä*.

(3). Гласная [o] обозначалась как *o* или как шведская *å*, последняя использовалась в первом и последующих слогах для обозначения короткого и долгого звука [o], например: *rådhattkan*. В тексте кодекса встречаются другие позиции, в которых прописывалась шведская *å*: *kåstiani* 'kusti', *åia* 'oja', *rådada* 'hallita, vallita', *Rånin* 'ryöstö', *iåki* 'joki', *kåsta* 'kostaa', *kåska* 'koska', *sitåa* 'sitoa', *kåkouxes* 'kokouksessa'. Иными словами, *å* использовалась в позиции звуков [u], [o], [a] и даже [y].

Окончание абессива в кодексе варьируется: *-ta*, *-tta*, *-t ja -tt*. По данным падежным окончаниям трудно сказать, идет ли речь о паритиве или абессиве, например: *suutä*, *estettä*, *duomiota*, *sanomata*.

Абессивные формы третьего инфинитива на *-ma* также непосредственные в написании: большинство случаев с написанием *-ta*: *ia ey tule sanomata hänestä*.

¹⁰ Слово *perä* в современном финском языке означает 'задняя часть, зад'; 'корма'; 'основание'

¹¹ В современном финском языке слово *mistata* вышло из употребления.

¹² В современном финском языке слово *puukartano* вышло из употребления.

Наречное слово *ulos* имеет варьлирующееся написание через *w*, *v* или *u*: *wlgos*, *vlos*, *wlos*, *vlghos*, *wlghos*, *vluos*, *wluos*, *wlwos*.

Как показывают переводные тексты кодекса, функции аллатива выполняла генитивная форма имени (*datiivigenetiivi*): *Ios Isä ia äiti andawat andexi hūnen, nijn ottakan täyden Perindö osan*. Чаше всего с генитивом употреблялись следующие глаголы: *antaa*, *maksaa*, *olla*, *tehdä*, *tulla* и *myydä*, например: *ei anneta yhden oikeata puolta*.

В XVII веке стали издаваться словари, в которых присутствовали слова и выражения на финском языке. Например, в 1637 году был опубликован первый словарь *Lexicon Latino-Scondicum*, в который включал финскую лексику в количестве примерно 2400 слов. Этот латино-шведско-немецко-финский словарь составил швед, филолог по образованию, **Эрик Кродерус** (*Ericus Johannis Schroderus*, 1606-1639)¹³. Лексика была распределена по рубрикам. Составитель сделал ряд комментариев о морфологических особенностях финского языка, в частности указал на отсутствие грамматического рода и на использование падежных конструкций вместо предложных. Рубрики, составленные Кродерусом, позднее, в 1644 году, будут использованы в школьном словаре латинского языка «Различные названия на латинском языке с комментариями по-шведски и по-фински» (*Variarum rerum Vocabula Latina, cum Svetica et Finnonica interpretatione*). Этот словарь прилагался в разговорнику на латинском языке для школьников *Formulae Puerilium Colloquiorum* ('*Keskustelukaavoja rojille*'). В 1678 году **Генрих Флоринус** (*Henrik Florinus*, 1633-1705) издал краткий латино-шведско-финский словарь *Nomenclatura Rerum brevissima, Latino-Sveco-Finnonica*, в котором около 10 процентов составляли слова его собственного сочинения. Кроме того, Флоринусу принадлежит заслуга публикации первого финского словаря пословиц под названием «Древние финские пословицы, будничные и забавные» (*Wanhain suomalaisten tawaliset ja suloiset sananlascut*, 1702). Материал словаря составили фразеологические единицы, собранные в предместьях Собственно-Финляндии, Сатакунты и Хяме. Всего книга включала свыше 1500 единиц. Словарь получил положительный отзыв, что было связано прежде всего с тем, что пословицы не считались языческим наследием, как например, устное народное творчество.

В рассматриваемый период было изобретено много слов, которые не только сохранились до наших дней, но и продолжают активно употребляться. Например, Мартти Олави ввел в оборот такие слова: *ammatti* 'профессия', *lakimies* 'юрист', *omistaja* 'владелец', *taata* 'гарантировать', *tuhlata* 'тратить', *vaihe* 'этап'; Яакко Финно – *ruute* 'нехватка', *runo* 'песня, стих', *suomenkielinen* 'финноязычный', *säde* 'луч', *äidinkieli* 'родной язык'; Лянго Туомаанпойка – *alanko* 'низменность', *kohtalo* 'судьба', *kuunnella* 'слушать', *käsityö* 'рукоделие', *sukulainen* 'родственник', *ulkomaat* 'иностранная страна'; Хемминки из Маску – *avioliitto* 'супружеский союз', *hyöty* 'польза', *narri* 'шут', *nuotti* 'нота', *olento* 'существо'; Эрик Соролайнен – *elämäkerta* 'биография', *kaupanteko* 'сделка', *keski-ikä* 'средний возраст', *luottamus* 'доверие', *riikinkukko* 'павлин', *vaatimus* 'требование'; Кродерус – *luokka* 'класс', *raino* 'вес', *tupakka* 'табак', *tutkimus* 'исследование', *vuorokausi* 'сутки'. Приведенные слова позволяют судить о довольно широкой сфере интересов жителей страны Суоми.

В середине XVII века стали осуществляться попытки описания грамматического строя финского языка. Считается, что одну из первых грамматик финского языка составил **Генрих Кругерус** (*Henrik Crugerus*, 1634-1652) в 1640 году. К сожалению, не сохранился ни один экземпляр грамматики ни в рукописном, ни в изданном виде. Однако известно, что составитель отправил копию работы датскому епископу Эрику Понтопидану, который в своих трудах ссылался на данную грамматику.

Заслугой Кругеруса является то, что он нарушил общепринятый канон писать грамматику по образцу учебников латыни и описал финскую грамматику, исходя из характерных ей черт и особенностей, например, он выделил двенадцать падежных форм, и это стало большим достижением в описательной грамматике.

Однако современникам все же была ближе и привычнее практика составления грамматик по шаблону учебников латинского языка. Спустя почти десятилетие, в 1649 году **Эскиль Петреус** (*Eskil Petraeus*, 1593-1657) опубликовал первую грамматику финского языка *Linguae Finnicæ brevis institutio* объемом 88 страниц. Она была учебным пособием для немецких, шотландских и шведских служащих. В качестве образца была взята грамматика латинского языка, в частности Доната и Меланхтона. В те времена бытовало мнение, что категории латыни являются универсальными и

¹³ Большой шведско-немецко-латинско-греческий словарь *Dictionarium quadrilingue* Кродеруса был опубликован в 1929 году.

прекрасно подходят для описания любого языка. 60 процентов правил, описанных в грамматике Петреуса, восходят именно к латинской морфологии: так, в отличие от Кругеруса, автор рассматриваемой грамматики выделяет в финском языке только шесть падежей.

В 1650 году была опубликована работа профессора истории, политики и права Михеля Вексионуса-Гюльденстолпе (Michael Wexionius-Gyldenstolpe, 1608/9-1670) *Epitome descriptionis Sueciæ, Gothiæ, Fenningiæ, et subjectarum provinciarum*, которая стала выдающейся сразу по нескольким аспектам: во-первых, с методической точки зрения она предвосхитила исследования Габриэля Портана (Habriel Porthan), подробно описав губернии и жителей королевства Швеции; во-вторых, в ней дается сопоставительное описание языков империи, в частности рассматриваются сходные черты финского и эстонского языков. В небольшой по объему грамматической части работы, занимавшей четырнадцать страниц, Вексионус-Гюльденстолпе, опережая время¹⁴, вводит принцип сравнительной грамматики, основывающейся на сравнении фонологических и грамматических черт языков. Профессор указывает на такие сходства в финском и эстонском языках, как: первый ударный слог, отсутствие грамматического рода, единая падежная парадигма, совпадающие местоимения, общие компаративные суффиксы и схожие темпоральная система и система наклонений. Аналогичным образом Вексионус сравнивал шведский и немецкий и доказал их родственность: в обоих трехкомпонентная система грамматического рода и два артикля. Однако работа содержала свойственные рассматриваемой эпохе исторические заблуждения, в частности, убеждение многих скандинавских исследователей о том, что орфографическая система языка «шведоготтов» древнее письменности греков и римлян.

Заслуживает упоминания еще один исследователь второй половины XVII века – **Эневальдус Свенониус** (Enevaldus Svenonius, 1617-88), который занимался изучением многих языков, в том числе иврита, арабского и арамейского. В 1658 году он опубликовал работу «Тренировка ума» (*Gymnasium sapiendæ rationis humanæ*), в которой он пишет о необходимости для теолога владеть отечественными – финским, шведским и немецким – языками, равно как классическими и семитскими. В труде исследователя упоминаются также эстонский и саамский (лопарский) языки. Свенониус отмечает сходство датского, шведского, немецкого и нидерландского, а также различия польского, чешского и венгерского языков. Он указал, что лексика шведского и немецкого насыщена словами латинского и греческого происхождения. Опираясь на более чем сорок лексических единиц, Свенониус доказал, что финский заимствовал слова из греческого языка и иврита, в чем был один из первых, так как многие его современники считали финский самым древним языком, который послужил основой для многих языков индоевропейской группы. В XVI-XVII века финский литературный язык продолжал последовательно развиваться, хотя и невысокими темпами. Постепенно прописывались четкие правила орфографии, усложнялся синтаксис. Однако многие грамматические явления не получили своего однозначного оформления, например, окончание абессива. В этот период были совершены первые попытки систематизации знаний о языках и определения места финского языка в системе мировых языков. Истинность некоторых положений, выдвинутых научными исследователями XVII века, со временем была подтверждена. Постепенно расширялась сфера применения языка: помимо религиозных текстов, увидели свет первые юридические тексты на национальном языке, что дало толчок к развитию соответствующей лексической базы. Появились первые словари. В основном они были многоязычные, включали финскую лексику, сопровождаемую комментариями по поводу грамматических особенностей языка. Финские ученые обратили внимание на яркую самобытность языка, проявившуюся в народных пословицах и поговорках. В рассматриваемый период появились первые грамматики финского языка. Следующее, восемнадцатое столетие, будет более насыщено лингвистическими событиями, пока же финский литературный язык только формируется и совершенствуется.

Библиографический список

1. Häkkinen K. *Agricolasta nykykieleen. Suomen kirjakielen historia.* – WSOY, Porvoo, 1994.
2. Lehtikoinen L., Kiuru S. *Kirjasuomen kehitys. 4.painos, uudistetu laitos.* – Hakapaino Oy, Helsinki, 1998.
3. Nobufumi I. *Kolmen maanlainsuomennoksen kopion keskinäiset suhteet kirjoitusasujen ja sijamuotojen käytön valossa.* - *Sanoista kirjakieliin. Juhlakirja Kaisa Häkkiselle 17. marraskuuta 2010.* Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia = Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 259. Helsinki 2010. S.19–

¹⁴ Сравнительно-исторический метод исследования языков был введен в XIX веке.

4. Kielitiede Suomessa kautta aikojen. – www.ling.helsinki.fi/~fkarlss/ykt8.htm
5. Макаров И.В. Очерки истории Реформации в Финляндии. – Вериги: Библиотека по религиоведению. www.verigi.ru

Аннотация статьи «Финский литературный язык в период укрепления Реформации (XVI – XVII вв.)»

В XVI-XVII века финский литературный язык продолжал последовательно развиваться, хотя и невысокими темпами. Финская книжность получила свое дальнейшее развитие в XVI–XVII веках, благодаря главным образом неустанной работе представителей духовенства. Последователями трудов великого финского реформатора Агриколы и его современников стали Паавали Юстен, Яакко Финн, Эрик Сороланен и Хемминки из Маску, творческая деятельность которых рассматривается в данной статье. В статье анализируются особенности языка первых юридических текстов. Постепенно прописывались четкие правила орфографии, усложнялся синтаксис. Однако многие грамматические явления не получили своего однозначного оформления, например, окончание абессива. В этот период были совершены первые попытки систематизации знаний о языках и определения места финского языка в системе мировых языков. Истинность некоторых положений, выдвинутых научными исследователями XVII века, со временем была подтверждена. Постепенно расширялась сфера применения языка: помимо религиозных текстов, увидели свет первые юридические тексты на национальном языке, что дало толчок к развитию соответствующей лексической базы. Появились первые словари. В основном, они были многоязычные, включали финскую лексику, сопровождаемую комментариями по поводу грамматических особенностей языка. Финские ученые обратили внимание на яркую самобытность языка, проявившуюся в народных пословицах и поговорках. В рассматриваемый период появились первые грамматики финского языка.

Summary

In the XVI-XVII centuries Finnish literary language was slowly developing. At that time books were being made by representatives of the clergy. The article examines intellectual activity of Paaveli Justen, Jaakko Finno, Eric Sorolainen and Хемминки from the Mask, the contemporaries and followers of the great Finnish reformer Agricola. Special attention is given to peculiarities of the language of the first legal texts, which exhibit traits of syntactic development and suggest existence of some spelling rules, although many grammatical phenomena, for example, the abessive ending, did not receive a uniform way of expression. In that period first attempts to systematize accumulated knowledge about languages and determine the place of the Finnish language within the system of world languages were made. Some of the provisions put forward by the XVII century researchers were eventually corroborated. Meanwhile, functional spheres of the language were widening; apart from religious texts, the first legal texts in the national language were being compiled, which implied development of relevant vocabulary. The first dictionaries were mostly multilingual and contained Finnish words with glosses on grammatical peculiarities of the language. Finnish scientists took notice of the folk proverbs and sayings which displayed originality of the language. The period under review is the time when the first books on Finnish grammar were written.